

12+

В Мату Украден
Николай Трясцын

«Архитектор снов»

Николай Трясцын

Архитектор снов

«Издательские решения»

Трясцын Н.

Архитектор снов / Н. Трясцын — «Издательские решения»,

«Архитектор снов» — это философская фэнтези-притча о возвращении к себе. О том, как взрослые, разучившиеся верить в чудеса, могут снова научиться просыпаться счастливыми. И о мосте, который каждый из нас способен построить — между потерянным и найденным, между мирами, между собою вчерашним и собою настоящим. Для тех, кто вырос, но не забыл. Для тех, кто забыл, но хочет вспомнить.

© Трясцын Н.

© Издательские решения

Содержание

История 1. Глава 1. Пролог: Порог, свитый из ветра	6
Глава 2. В Лавку Украденных Сновидений	8
Глава 3. Овраг Незаданных Вопросов	11
Тень, отбрасывающая свет	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Архитектор снов

Николай Трясцын

© Николай Трясцын, 2026

ISBN 978-5-0070-9686-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История 1. Глава 1. Пролог: Порог, свитый из ветра

Мир, из которого уходит Ева, пахнет мокрой типографской краской и вчерашним кофе. Это мир, где время измеряют дедлайнами, а пространство — длиной оптоволоконного кабеля. Ей двадцать семь, и она архитектор-визуализатор, чья жизнь состоит из возведения сияющих, но полых внутри небоскрёбов на экране монитора. Но сегодня экран погас. Сегодня тот редкий, тревожно-лиловый час сумерек, когда тени в петербургском дворе-колодце сгущаются не в тьму, а в некое подобие бархата.

Ева стоит перед дверью. Она не помнит, чтобы эта дверь была здесь раньше. Не парадная, не чёрный ход — узкая, как вытянутый фолиант, створка из потемневшей бронзы, инкрустированная не драгоценными камнями, но стёклышками от витражей, которые, кажется, тихо звенят на сквозняке, которого нет. В воздухе разлит запах — не духов, не уличной гари, а озона и мятных леденцов, запах надвигающейся грозы и детского удивления. Её рука, привыкшая к холодной эргономике мыши, касается дверной ручки — и та отзывается теплом, почти пульсом. Ручка выполнена в виде змеи, кусающей собственный хвост, но змея эта — механическая, из тончайших шестерёнок, которые начинают вращаться под пальцами, вызывая мелодию, похожую на расстроенную музыкальную шкатулку.

Мир за дверью ждал её. Ждал давно.

Ева не проваливается в кроличью нору. Она делает шаг — всего один шаг через порог — и попадает в Механический Сад. Здесь нет земли. Под ногами — упругая, похрустывающая поверхность, напоминающая гигантскую клавиатуру, где каждая «клавиша» — это плита из спрессованного мха и серебряной филигрании. Стоит наступить, и сад откликается аккордом: басовитым, если шаг неуверенный, и звонким, хрустальным, если лёгкий.

В этом саду растут Цветы-Барометры. Их бутоны — это стеклянные колбы, наполненные цветным туманом. Когда мимо проходит страх, туман становится сиреневым. Когда радость — золотым. Сейчас, глядя на Еву, застывшую в дверном проёме с расширенными зрачками, все бутоны вокруг окрашиваются в сложный, трепещущий оттенок электрик — цвет чистого, незамутнённого изумления перед абсурдом. Лепестки с тихим мелодичным звоном трутся друг о друга, создавая симфонию ветра.

— Опоздала? — слышит она голос. Не вопрос, а скорее констатация факта, произнесённая с неуловимой, кошачьей улыбкой в тоне.

Голос принадлежит существу, которое материализовалось из пульсирующей тени под деревом, чей ствол был увит не корой, а лентами нотных станов. Существо напоминало человека ровно настолько, насколько тень на стене напоминает породившее её тело. Длинный плащ, похожий на сложенные крылья мотылька, переливался всеми оттенками сепии и чернил. Вместо лица — гладкая, матовая маска с единственной прорезью, в которой мерцал не глаз, а крошечный, вращающийся против часовой стрелки циферблат.

— Я... я не знаю, — честно отвечает Ева, и её голос разносится эхом не в пространстве, а внутри её собственной головы. — Я даже не знаю, куда мне нужно.

— Абсолютно верный ответ, — кивает Хранитель Порога (а это был именно он). Стрелка на его маске-циферблате дрогнула и замерла на римской цифре «XII». — Тот, кто знает, куда идти, сюда не попадает. Сюда попадают те, кто забыл, откуда идёт. Идём. Церемония Начала ждать не любит. Она, видите ли, капризна, как уравнение с четырьмя неизвестными, и обидчива, как непрочитанный сонет.

Он разворачивается и плывёт сквозь заросли поющих цветов, не касаясь клавиш-плит ногами. Ева, повинаясь внутреннему, иррациональному порыву, идёт за ним. С каждым шагом клавиши под её ногами звучат всё увереннее, складываясь в навязчивую, почти забытую мелодию — колыбельную, которую ей никогда не пели, но которую она всегда знала.

Они выходят к озеру. Но это не озеро воды. Это озеро Тумана Забвения — идеально гладкая, серебристо-серая субстанция, над которой, как над гигантским зеркалом, не поднимается ни единого всплеска. На его берегу, на пьедестале из окаменевшего лунного света, стоит Сосуд Сути. Он похож на амфору, сплетённую из затвердевших снов: переливающиеся, дымчатые нити складываются в сцены, которые Ева тут же забывает, стоит только отвести взгляд.

— Церемония проста, — произносит Хранитель, и в его голосе впервые появляется металлическая, ритуальная строгость. — Ты должна отпить из Сосуда. Но не туман. Не воду. Ты должна выпить своё отражение.

Ева наклоняется над серебряной гладью. Отражение смотрит на неё — уставшая девушка в нелепом деловом костюме посреди фантасмагорического сада. Где-то в глубине её отражения, в зрачках, она видит крошечные отражения уже этого мира: Механический Сад, Хранителя, ленты нот. Дурная бесконечность. Она опускает руки в Сосуд. Жидкость холодит кожу не температурой, а отсутствием самого понятия температуры. Она зачерпывает своё лицо, глядящее на неё снизу вверх. Вода-не-вода тяжела, как ртуть, и прозрачна, как совесть.

Она пьёт.

Вкус — это вкус её первого детского разочарования, смешанный с предвкушением поцелуя, которого ещё не было. Вкус бессонной ночи перед экзаменом и запах сирени в бабушкином саду. Она выпивает себя — ту, прежнюю, со всеми её страхами, планами, ипотеками и цинизмом. И с каждым глотком она чувствует, как тело становится легче, а границы его — зыбче. Она начинает видеть звуки: голос Хранителя — это переплетение золотых и ультрамариновых нитей. Она начинает слышать цвета: малиновый звон бутонов-барометров. Синестезия накрывает её, как волна, стирая последние координаты привычной реальности.

Когда последняя капля её прежнего «я» исчезает, озеро подёргивается рябью. Отражение больше не повторяет её движений. Оно живёт своей жизнью. Ева с ужасом и восторгом понимает: она смотрит вниз, на воду, а оттуда, из глубины, на неё смотрит она сама — но Та, Которой Она Может Стать. Отражение улыбается и протягивает ей из-под толщи тумана не руку, а светящийся контур ключа.

— Теперь ты — Гость этого мира, — голос Хранителя раздаётся отовсюду и ниоткуда. — Твоя память — это твой компас. Твоё невежество — твоя карта. Твоё сердце — твой камертон. Иди и помни главное правило Зазеркалья... прости, Механического Сада.

— Какое? — шепчет Ева, принимая ключ и чувствуя, как он врастает в ладонь, становясь линией жизни.

— Здесь всё имеет смысл. Кроме поисков смысла. А теперь — просыпайся.

И Ева просыпается. Но просыпается она не в своей постели и не в своём мире. Она стоит посреди многолюдного проспекта, вымощенного гигантскими игральными картами, где на каждом углу продают бутылочное забвение и свежеиспечённые метафоры. Над головой плывут облака в форме нот. В ушах стоит перезвон шестерёнок её собственного нового сердца. Книга, которую она напишет своей жизнью, открыта на первой странице. Первая глава называется: «Город, где тени отбрасывают свет».

Глава 2. В Лавку Украденных Сновидений

Вывеска не висела — она парила в воздухе, слегка подрагивая, как стрекозиное крыло. Буквы на ней не были написаны краской. Они были собраны из живого, текучего лунного света, и прочитать их можно было не глазами, а кожей. Ева ещё не знала языка этого мира, но ладони вдруг стали тёплыми, а в груди что-то сжалось, будто кто-то невидимый осторожно сжал её сердце и отпустил. Надпись гласила:

«УТРАЧЕННОЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ. ЦЕНА — ПАМЯТЬ О ТОМ, ЧТО ТЫ ЭТО ПОТЕРЯЛ»

Дверь была стеклянная, но стекло это не отражало улицу с её карточными мостовыми и нотоносными облаками. Оно показывало Еву. Только не ту, что стояла сейчас на пороге, а другую — маленькую девочку лет семи, в смешном сарафане, с испарапанными коленками. Девочка сидела на подоконнике дачного дома и смотрела куда-то вдаль, в сад, где за кромкой яблонь разгорался рассвет. Тот самый миг. Тот самый, украденный, лежащий теперь где-то на витрине внутри.

Ева толкнула дверь. Та открылась беззвучно, но где-то в глубине лавки нежно, хрустально звякнул колокольчик — не тот, что извещает о покупателе, а тот, которым вызывают воспоминания.

Воздух в лавке был густым и слоистым, как старый фотоальбом, в котором каждый снимок пахнет по-своему: вот — мокрой после дождя сиренью, вот — горячей пылью чердака, вот — морской солью и арбузными корками августа. Ева вдохнула и чуть не чихнула: запахи смешивались, сплетались в причудливую пряжу, и каждый тянул за собой шлейф почти забытых эмоций.

Полумрак здесь был не отсутствием света, а его особой формой. Странные источники — вспышки забытых пробуждений — действительно мерцали повсюду. Они плавали в воздухе, как светлячки: крошечные, золотисто-розовые, величиной с горошину. Одна подплыла к самому лицу Евы, и внутри неё, как в мыльном пузыре, она увидела сцену: незнакомый мужчина просыпается в гамаке под пальмами, шурится, улыбается чему-то, чего нет, и в этот самый миг осознаёт, что счастлив. Вспышка погасла, оставив после себя тёплое эхо.

— Не трогайте. Они хрупкие, — раздался голос из-за прилавка.

Голос принадлежал старухе. Или старику. Или ни тому, ни другому. Фигура за прилавком была укутана в бесформенный плащ, сшитый из лоскутов старых карт, страниц из книг и лоскутков шёлка. Лицо — если это было лицо — напоминало оплывшую свечу из воска, на котором кто-то вырезал улыбку. Глаза сидели глубоко и смотрели не на Еву, а сквозь, в ту точку пространства, где, по-видимому, хранилась её биография. Звали это существо — если ему вообще нужно было имя — Скупщик Снов.

— Я... — начала Ева. — Вы — Ева. Архитектор, — перебил Скупщик, не меняя интонации, похожей на шелест перебираемых страниц. — Уже нет. Были. Пили из Сосуда. Хранитель Порога машет вам вслед платочком. Знаю. Я всё про всех знаю. В этом, собственно, и заключается моё проклятие. Желаете ознакомиться с ассортиментом или будете просто стоять и дышать моим товаром? Дышать, кстати, платно. Один вдох — одно цветное воспоминание из младшей школы. У вас, кстати, была чудесная учительница музыки. Жаль, что вы забыли её имя.

Ева опешила. Мир за пределами лавки был абсурдным, но вежливым. Здесь же царила какая-то циничная, почти базарная практичность.

— Я ищу... миг, — выдавила она. — Миг перед рассветом. Который у меня украли. В детстве.

Скупщик склонил голову набок. Где-то в складках его плаща что-то тикало — не часы, а несколько часов, идущих вразнобой.

— Ах, этот миг. Хит сезона. Вечная классика. У всех крадут миг перед рассветом. Одни продают его сами, за хорошую оценку в четверти или за место в песочнице. У других выменивают на страх темноты или на умение завязывать шнуры. У вас — украли. Банальная история. Вломились, пока душа была открыта, и унесли.

Он (или она?) повернулся к стене, уставленной рядами крошечных стеклянных флаконов. Каждый флакон светился своим оттенком. Красные — украденные закаты. Синие — похищенные сумерки. Золотые — утренние часы, проданные за ненадобность. Розовые — пробуждения. Но полка с пробуждениями была почти пуста.

— У нас дефицит, — вздохнул Скупщик, проследив взгляд Евы. — Последний миг перед рассветом ушёл буквально вчера. Купил один поэт. Сказал, что хочет вспомнить, зачем вообще начал писать. Оставил в уплату чувство рифмы. Теперь сидит где-то на чердаке и пишет гениальные верлибры, даже не подозревая, что они гениальны. Трагедия, в сущности.

Сердце Евы упало — она буквально ощутила, как оно стукнулось о рёбра и затихло где-то внизу.

— Но, — протянул Скупщик, поднимая костлявый палец, на котором болталось кольцо с мутным камнем, — есть одна вещь. Не миг. Но, возможно, лучше.

Он нырнул под прилавок и извлёк на свет нечто, похожее на старый, потрёпанный кинеограф — игрушку, где при пролистывании страниц картинки оживают, создавая иллюзию движения.

— Это — Маршрут. Не просто миг, а целая карта. Украли не у вас. Украли у другого человека. Того, кто стоял на пороге своего рассвета и видел то, что видели вы. Он оставил этот Маршрут в залог, пообещал вернуться, но не вернулся. Сгинул где-то между сном и явью. Если пойдёте по его следам — возможно, найдёте не только его миг, но и свой собственный. Потому что чужие потери иногда отзываются громче, чем свои.

Ева смотрела на кинеограф. На его обложке, нарисованная выпцветшими чернилами, была та самая дача. И яблони. И край забора. А за забором — то, чего на её памяти никогда не было: узкая тропинка, уходящая в лес. Лес этот был изображён странно — деревья переплетались кронами, образуя арки, а между стволами кто-то неумелой, но старательной детской рукой пририсовал маленькие светящиеся точки. Светлячки? Или те самые вспышки забытых пробуждений?

— Кто... кто этот человек? — спросила Ева, уже зная, что возьмёт Маршрут. Зная, что от судьбы в этом мире не уходят, а только ходят за ней по пятам.

Скупщик улыбнулся. Улыбка его была похожа на трещину, прошедшую по старой фарфоровой чашке.

— О, вы с ним знакомы. Вы все с ним знакомы. Каждый ребёнок, который верил, что за горизонтом есть что-то большее, носил его имя на губах. Взрослые называют его по-разному. Кто — Мечтателем. Кто — Дураком. Кто — Тем-Кто-Не-Вернулся. Но его настоящее имя... — Скупщик помедлил, и светлячки в воздухе замерли, будто прислушиваясь, — ...его настоящее имя — Первый Потерянный.

Он протянул Еве кинеограф. Та, колебавшись лишь мгновение, взяла его. Бумага была тёплой, почти горячей, словно внутри страниц билось крошечное сердце. Или словно Маршрут сам ждал её прикосновения всю свою вечность.

— Цена? — тихо спросила она, вспомнив вывеску.

— А вы уже заплатили, — пожал плечами Скупщик и отвернулся к своим флаконам, давая понять, что разговор окончен. — Вы помнили, что потеряли. И пришли. Этого достаточно. Теперь — идите. Тропа не любит ожидания. Она затягивается, как старая рана. Затя-

нется — и вам придётся искать другую потерю, а у вас их, я посмотрю, и так не на одну жизнь набралось.

Он махнул рукой, и дверь лавки распахнулась сама. Но открывалась она теперь не на карточную улицу. За порогом стоял лес. Тот самый, с детского рисунка. Настоящий, живой, пахнущий прелыми листьями и ночной фиалкой. Где-то в его глубине, на границе видимости, мерцали золотистые огоньки, выстраиваясь в цепочку — Путь.

Ева прижала кинеограф к груди, чувствуя, как её новое, странное сердце-из-шестерёнок начинает биться в такт пульсу Маршрута. Она ещё не знала, куда ведёт тропа. Она не знала, кто такой Первый Потерянный и почему его имя отзывается в ней дрожью узнавания. Она знала только одно — в конце этого леса, под этими светящимися кронами, её ждёт нечто, что не является ответом, но является правильным вопросом.

Она сделала шаг.

Колокольчик за спиной звякнул в последний раз, и дверь захлопнулась, оставив Еву в полной, абсолютной, звенящей тишине Леса Ненайденных.

Первый лист кинеографа:

На крошечном рисунке, нанесённом выгоревшей на солнце тушью, изображён дуб. Не просто дуб — Дуб-Почтальон. В его коре — сотни дупел, и в каждом лежит по письму. У корней сидит маленькая фигурка — возможно, тот самый Первый Потерянный — и читает. Подпись внизу, сделанная дрожащей, старательной рукой, гласит:

«Первая остановка — Древо Неотправленного. Читай не глазами, а тем, что болит».

Она выбрала всё сразу. Не потому, что была жадной до впечатлений, а потому что в этом лесу понятие «выбор» ощущалось иначе. Здесь нельзя было пройти мимо, не заглянув. Нельзя было услышать пение и не замереть, затаив дыхание. Нельзя было заметить тень и не пойти за ней — особенно если тень, в отличие от всех прочих теней этого мира, отбрасывала свет, а не поглощала его.

Тропа стелилась под ногами послушно, словно сама хотела, чтобы Ева дошла. Но прямой путь к Дубу пролегал мимо оврага, а овраг этот пел — и пение его было не тем, что можно проигнорировать, отвернувшись и заткнув уши. Оно просачивалось не в слух, а в грудь, прямо в то место, где у обычных людей бьётся сердце, а у неё теперь тихо переминались шестерёнки, вызывая мелодию её новой жизни.

Глава 3. Овраг Незаданных Вопросов

Ева подошла к краю. Овраг не был глубоким в геологическом смысле — она видела дно, устеленное серебристым мхом, похожим на остриженную шерсть какого-то спящего зверя. Но он был глубок в другом, вертикальном измерении — в измерении памяти. Стоило заглянуть в него, как в голове начинали всплывать вопросы. Те самые, которые она никогда никому не задавала. Те, что комом стояли в горле, когда отец уходил из дома. Те, что жгли язык, когда первая любовь сказала «прости, я встретила другого». Те, что она не задала себе самой, стоя перед зеркалом в двадцать три года, выбирая между «надо» и «хочу».

Пение доносилось из этих неизречённых глубин. Голосов было много — высоких, детских, низких, старческих, — и все они тянули одну и ту же ноту. Не мелодию. Именно ноту. Огромную, многоголосую, идеально чистую ноту, которая в человеческой музыке называется «ля», а здесь называлась «то-что-осталось-недосказанным».

— Спустись, — позвал кто-то снизу. Или не позвал, а пропел ту самую ноту, и в её вибрации Ева распознала слово.

Она замотала головой. Нет. Она знала, чем пахнут такие приглашения — сыростью и забвением. Она читала достаточно мифов, чтобы не спускаться в овраги, поющие голосами потерянных вопросов. Но и уйти просто так было нельзя. Тогда она сделала то, чего не делал ни один герой до неё: она не спустилась, но и не убежала. Она достала из кармана своего делового пиджака (который чудесным образом оказался на ней и в этом мире) огрызок карандаша. Она всегда носила его с собой — архитектурная привычка. На полях старой квитанции, дрожащей рукой, она написала один вопрос. Тот самый, что жёг её сейчас сильнее всего:

«Почему я перестала просыпаться счастливой?»

Она скомкала бумажку и бросила в овраг. Пение дрогнуло. Нота на секунду распалась на сотню обертонов, словно овраг поперхнулся, а потом зазвучала снова — но теперь тише, почти умиротворённо. Бумажка исчезла во мху, и Ева почувствовала: что-то внутри неё чуть-чуть распрямилось. Не ответ. Но облегчение от того, что вопрос наконец-то был задан, пусть и бездонной пропасти.

Тень, отбрасывающая свет

Она отвернулась от оврага и тут же увидела её снова. Тень. Метрах в двадцати, между стволами двух сросшихся в арку осин. Тень колыхнулась и скользнула дальше, вглубь леса, туда, где, судя по рисунку на кинеографе, должен был находиться Дуб-Почтальон.

Ева пошла за ней. И чем дальше она шла, тем страннее становилась эта тень. Во-первых, она не была привязана ни к какому телу. Никакой фигуры, отбрасывающей её, не существовало. Во-вторых, она действительно светилась — мягким, матовым, лунно-жемчужным светом, от которого на тропе проступали незаметные ранее детали: крошечные грибы с шляпками в виде вопросительных знаков, паутина, сплетённая в руны, след босой ноги в глинистой почве. В-третьих, тень эта, казалось, слышала мысли. Когда Ева замедляла шаг, тень останавливалась и подрагивала, будто поджидая. Когда она ускорялась — тень плавно утекала вперёд, сохраняя дистанцию ровно в двадцать метров, не больше и не меньше.

— Кто ты? — спросила Ева шёпотом, не ожидая ответа.

Тень на мгновение замерла, а потом... повернулась. Просто развернулась на месте, как если бы у неё были плечи, и Ева увидела, что у неё нет лица, но есть выражение. Выражение глубокого, почти человеческого сочувствия. Тень подняла то, что можно было бы назвать рукой, и указала вперёд. Ева проследила за жестом и ахнула.

Дуб-Почтальон стоял прямо перед ней.

Она не заметила его, потому что он был больше, чем дерево. Он был — пространство. Его крона уходила в небо на такую высоту, что облака цеплялись за ветки и рвались, оставляя клочья белой ваты в резных листьях. Его ствол был шириной с деревенский дом, и весь он, от корней до макушки, был пронизан дуплами. Тысячи дупел. В каждом — письмо. Некоторые были запечатаны сургучом, некоторые перевязаны ленточками, некоторые просто свёрнуты в трубочку, как древние свитки. И все они светились — каждое своим, неповторимым оттенком. Дуб гудел, как улей, но гудел не пчёлами, а голосами. Тихими, нащёптывающими, читающими вслух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.